

Гу Чуньлай не находил слов. Сериал «Два города» действительно имел успех, но он еще не завершился, а сам он был новичком в этом деле и никогда не думал, что его могут узнать в таком месте. Вероятно, Сяо Жофэй настаивал не только для того, чтобы провести вместе лишнюю секунду.

Но... это было еще одной проблемой. Только начав встречаться, Гу Чуньлай уже чувствовал себя беспомощным, будто каждый шаг требовал заботы со стороны партнера.

Честно говоря, Гу Чуньлай не любил это чувство. Он всегда боялся стать зависимым от кого-то, и чем больше он дорожил человеком, тем сильнее боялся. Это было ужасное ощущение — вдруг однажды он потеряет этого человека, и тот унесет с собой часть его самого, оставив боль, кровь, растерянность и, возможно, слезы. Рана заживет не скоро.

Он уже переживал подобное много раз и слишком боялся, что это повторится. Сейчас Гу Чуньлай лишь хотел оставаться рядом с Сяо Жофэем, лишь бы не потерять его снова.

Убедившись, что вокруг никого нет и место достаточно темное, Гу Чуньлай смело шагнул вперед, обнял Сяо Жофэя за талию и положил голову на его плечо. Не дожидаясь реакции, он отпустил его и вернулся на прежнее место, глядя в удивленные, но радостные глаза Сяо Жофэя. Шепотом, так, чтобы слышал только он, Гу Чуньлай произнес:

— Вернемся в отель, займемся этим.

Сяо Жофэй отступил на два шага, оказавшись под светом фонаря. Он смотрел на Гу Чуньлая, чьи глаза были покрыты инеем, долго размышлял и наконец ответил:

— Сегодня вечером — нет.

— Почему? — вырвалось у Гу Чуньлая. — Мы оба хотим этого, почему нельзя?

Сяо Жофэй твердо возразил:

— Сейчас не время. Это неправильно.

— Но рано или поздно мы это сделаем. В тот день в трейлере ты хотел этого, правда? Я тоже хотел, но у нас была съемка...

— Гу Чуньлай, опомнись! — Сяо Жофэй резко схватил его за тонкую кожу на затылке, где просвечивали сосуды, и прижался лбом к его лбу. В его голосе звучал упрек. — Что ты собираешься делать завтра утром? После этого у тебя съемка? Подумай как следует, да? Используй мозг!

Гу Чуньлай словно не слышал ни слова. Его взгляд блуждал где-то далеко, он не пытался уклониться и не поддавался на слова Сяо Жофэя, а, словно утопающий, схватился за его одежду и сказал:

— Но заставлять тебя ждать дальше слишком несправедливо.

— Ты думаешь, это как игра в кольца, где кольцо набрасывается на палку, и все заканчивается, да? Ты думаешь, люди как животные, могут просто снять штаны и начать? А презервативы? Смазка? Все готово, да?

Выражение Сяо Жофэя изменилось. За его мягким взглядом скрывались черные шипы, мягкие

и тонкие, с одним острым кончиком, который незаметно пробирался по сосудам к конечностям, прокалывал кончики пальцев, выходил в воздух и вонзался в кожу Гу Чуньлая.

Гу Чуньлай почувствовал, как этот шип пронзает его насквозь, пригвозждая к месту, лишая слов.

— Сначала вернемся.

Сяо Жофэй отпустил его, сунул пакет с фруктами в руки Гу Чуньлая и повернулся, чтобы уйти.

— Тебе нужно остыть.

Гу Чуньлай держал холодные фрукты и не стал догонять Сяо Жофэя. Он тихо стоял в тени, пока вокруг не поднялся шум и грохот барабанов, а фрукты не согрелись от его тепла. Лишь тогда он сделал шаг, ощущая, как ноги уже почти онемели от холода, и направился в единственное место, где мог найти приют.

Открыв дверь, он почувствовал теплый пар из ванной и запах геля для душа, но не увидел знакомой фигуры, сидящей при свете и листающей телефон. В комнате было темно, и лишь тусклый свет уличного фонаря позволил Гу Чуньлаю разглядеть, что Сяо Жофэй уже завернулся в одеяло, как рулет, лицом к стене, голова уткнулась в подушку, дыхание ровное.

Еще не было и девяти, а Сяо Жофэй обычно не ложился спать до полуночи.

Гу Чуньлай присел на край кровати Сяо Жофэя, прочистил горло и, убедившись, что тот не шевелится, тихим, прерывистым голосом произнес:

— Ты так устал, почему... не хочешь отдохнуть. Я просто... просто хочу, чтобы ты был счастлив, не хочу тебя злить. Ты так много работаешь, я... расстраиваюсь, не хочу, чтобы из-за меня, из-за наших отношений, ты стал таким...

Голос Гу Чуньлая затих.

Прошло несколько секунд, минут, может, больше, и Сяо Жофэй в темноте повернулся, открыл глаза, посмотрел на спящего у кровати человека, наклонился и поцеловал его тревожные ресницы.

На следующее утро Гу Чуньлай проснулся от будильника. Он помнил, что заснул на краю кровати Сяо Жофэя, но теперь лежал в постели, и с его телом все было в порядке.

Было всего половина пятого, за окном царила кромешная тьма, и лишь красный неоновый свет вывески отеля пробивался сквозь шторы, как предупреждающий сигнал, холодный и пугающий. Он встал, выключил будильник на противоположной кровати, провел рукой по еще теплому одеялу и направился в ванную. Включив холодную воду, он умылся и почистил зубы. После всех процедур он чувствовал себя бодрым, как после зимнего купания, и сонливости не было и в помине.

Выйдя из спальни, Гу Чуньлай увидел на столе большую стопку теста, две начинки, летающую в воздухе муку и четыре маленькие миски, в каждой из которых лежал один пельмень. Вчерашний человек, с которым он поссорился, стоял у плиты в фартуке, держа в одной руке тарелку, а в другой — шумовку. В кастрюле кипела вода, и пар смягчал окружающий холод.

Каждый раз, когда он приносил жертву предкам, Гу Чуньлай готовил три вещи: вино, яблоки и

пельмени. Вчера вечером он планировал найти пельменную, чтобы поужинать и приготовить подношение на сегодня, но из-за своих горячих слов все пошло наперекосяк, и он все забыл.

Он не ожидал, что кто-то запомнит это за него.

Гу Чуньлай подошел и, как вчера вечером, обнял Сяо Жофэя за талию, сказал «извини» и «спасибо». Но слова были слишком бледны, чтобы выразить комок в груди и учащенное сердцебиение.

— Ослабь хватку, пельмени почти готовы.

Сяо Жофэй не стал отказываться и, не поворачиваясь, продолжал вылавливать пельмени.

— Вчера... я тоже виноват, я слишком резко повел себя и разрушил твои планы. Впредь буду осторожнее.

Гу Чуньлай быстро покачал головой, его волосы коснулись шеи Сяо Жофэя, вызвав легкий зуд.

— Не переживай, не думай об этом.

— Сейчас слишком рано, мало что открыто, я попросил у отеля немного ингредиентов и сам сделал пельмени. Давно их не готовил, попробуй, это тот вкус, который они любили?

Через некоторое время Сяо Жофэй почувствовал, как рука на его талии ослабла. Он услышал, как стучат палочки и миски, как Гу Чуньлай дует на пельмень, как жует. Он спросил, как они. Полминуты Гу Чуньлай молчал, и Сяо Жофэй подумал, что они невкусные, но, обернувшись, увидел, что тот стоит неподвижно, слезы текут ручьем.

Сяо Жофэй растерялся.

Гу Чуньлай дрожал всем телом, кончик носа покраснел, рот приоткрылся, кусочек лука из начинки застрял в уголке губ, он забыл проглотить, но не издал ни звука. Заметив свою слабость, он быстро поднял пустую миску, прикрыл лицо, притворившись, что ест пельмень. Но его движения были слишком резкими, он закашлялся, миска упала и разбилась, кусочки еды разлетелись по полу. Сяо Жофэй бросился к нему, схватил стакан воды, крепко обнял Гу Чуньлая и велел ему выплюнуть то, что было во рту, не подбирать с пола и не вытирать рукавом. Гу Чуньлай не слушал, сунул еду в рот и проглотил.

Увидев любимого в таком состоянии, Сяо Жофэй не мог сердиться. Он прижал Гу Чуньлая к раковине, уговаривая его выплюнуть упавшую еду. Гу Чуньлай плакал так сильно, что выплюнул, но не сдавался, включил воду и хотел вымыть и забрать обратно.

— Чуньлай, перестань!

Сяо Жофэй развернул его, крепко обнял, закрыл ему глаза, чтобы он не видел, как смывает остатки еды.

— Что случилось, скажи мне.

— Пельмени с луком и яйцом... точно такие же, как у бабушки... не хочу... чтобы пропадало... не хочу... выбрасывать...

— Не переживай, буду готовить их для тебя всю жизнь.

Сяо Жофэй нахмурился, уткнувшись в дрожащее плечо Гу Чуньяля.

— Плачь, если хочешь, я слушаю.

Получив разрешение, слезы хлынули, как лавина, неудержимо.

<http://bllate.org/book/15563/1415784>